

Горюнов Алексей Владимирович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Ульяновского государственного
педагогического университета им. И.Н. Ульянова

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЕ ПРОЕКТА [1]

Аннотация:

В статье рассматривается вопрос о соотношении представлений о должном и представлений о сущем в когнитивной структуре проекта. Особое внимание уделяется месту общественного идеала при формировании проекта в рамках утопического и антиутопического сознания. Обосновывается положение, что при формировании проекта в рамках утопического сознания общественный идеал рассматривается как цель, а при антиутопическом взгляде между общественным идеалом и целью располагаются опосредующие когнитивные структуры.

Ключевые слова:

социальные изменения, социальное действие, предвидение, прогноз, проект, общественный идеал, утопизм, антиутопизм, когнитивная структура сознания.

Goryunov Alexey Vladimirovich

PhD, Assistant Professor,
Philosophy Subdepartment,
Ulyanovsk State Pedagogical University

SOCIAL IDEAL IN THE COGNITIVE STRUCTURE OF A PROJECT [1]

Summary:

The article discusses the correlation between the ideas about proper and the notions of existing things in the cognitive structure of a project. The special attention is paid to the place of a social ideal in the formation of the project within the frameworks of utopian and anti-utopian consciousnesses. The author substantiates a thesis that when the project is forming within the utopian consciousness the social ideal is considered to be a goal, and within the anti-utopian attitude there are some mediating cognitive structures between the social ideal and the goal.

Keywords:

social changes, social action, anticipation, forecast, project, social ideal, utopianism, anti-utopianism, cognitive structure of consciousness.

Наше отношение к социальному будущему реализуется либо как прогноз, либо как проект. В первом случае мы строим образ социального будущего, не принимая во внимание собственные действия. При проектировании, напротив, будущее положение дел полагается результатом наших действий, а внешние факторы рассматриваются лишь как контекст, совокупность условий, которые необходимо принять во внимание.

«Должное» и «сущее» в структуре проекта. Любой проект формируется как своего рода компромисс, определенное сочетание двух когнитивных полюсов наших представлений – должного и сущего, желания и реальности.

Разграничение представлений о сущем и представлений о должном относительно недавнего происхождения. Правда, еще в XVIII в. Д. Юм заявил, что нельзя переходить от предложений со связкой «есть» к предложениям со связкой «должен быть». В современной логике и теории аргументации этот принцип известен под названием «правило Юма». Однако развернутое разграничение должного и сущего на уровне языка и мышления было введено в науку лишь во второй половине XX в. благодаря теории речевых актов. В ее основе лежат идеи Д. Остина [2], развитые Д. Сёрлем [3; 4], П.Ф. Стросоном [5] и другими авторами.

Долгое время считалось, что описание является едва ли не единственной функцией языка. Однако согласно теории речевых актов, язык имеет множество функций, и описание реальности является лишь одной из них. В связи с этим высказывания можно разделить на дескриптивные («описательные») и прескриптивные («предписывающие»). К последним относят нормативные, оценочные, целевые и некоторые другие виды высказываний.

Различие между дескрипцией и прескрипцией обычно усматривается в следующем. Дескриптивные высказывания нацелены на точное и по возможности полное описание реальности. Критерием их оценки является категория истины. В связи с этим они принимают так называемые значения истинности – «истина», «ложь», «неопределенность» и т. д. Прескриптивные (нормативно-ценностные) высказывания не описывают реальность, а предписывают ей определенные требования и – шире – некоторое состояние. Они регулируются понятием ценности и потому могут быть не истинными или ложными, а лишь приемлемыми или неприемлемыми. По меткому замечанию А.А. Ивина, «цель описания – сделать так, чтобы слова соответствовали миру, цель оценки – сделать так, чтобы мир соответствовал словам» [6, с. 160].

Итак, «должное», прескриптивные конструкции нашего сознания представлены ценностными установками, нормами, стандартизированными оценками и т. д. Именно на основе этих структур формируется общественный идеал. Он является чистой прескрипцией, поскольку при его формировании, конструировании мы не скованы никакими ограничениями, налагаемыми реальностью. Здесь еще действует чистая фантазия, оперирующая только и исключительно представлениями о должном.

Но для того, чтобы перейти от чистой фантазии к проекту, необходимо сопоставить социальный идеал с реальностью, точнее, с нашими наличными знаниями о реальности. Как писал А. Шюц: «Осуществимость проекта на практике есть условие всякого проектирования, могущего быть переведенным в цель» [7, с. 122]. Сюда относятся как фактические знания о социальном прошлом и настоящем, а также наши представления о наиболее существенных закономерностях и тенденциях эволюции общества. Разумеется, имеется в виду не весь корпус таких знаний, а только те из них, которые релевантны нашему проекту. Помимо этого, предельно общие представления о мире, человеке и обществе создают необходимый концептуальный контекст конструирования проекта, проверки наших когнитивных конструкций на реализуемость.

Существует два способа соотнесения общественного идеала и реальности, а фактически – прескриптивных и дескриптивных конструкций нашего разума. Первый из них – утопия, утопизм, утопическое сознание – подразумевает осуществимость общественного идеала в реальности.

Как известно, своим происхождением термин «утопия» обязан одноименной работе Т. Мора и дословно означает «место, которого нет». Вскоре под этим термином стали понимать описание совершенного, безупречного общественного состояния. Со временем данный термин приобрел и некоторый предвзятый оттенок: акцент был сделан на фантастичность, неосуществимость утопических построений. Так, К. Маркс неоднократно выступал с критикой так называемого утопического социализма, не считая утопическими собственные взгляды. По мнению К. Маркса, его предшественники по социализму наивно полагали, что коммунистический идеал можно осуществить где угодно и когда угодно и его осуществление не требует вызревания объективных условий. Свою же концепцию коммунизма немецкий философ определял как «научную», где якобы доказана не только возможность, но и необходимость осуществления данного общественного состояния.

Однако постепенно пришло осознание, что любой идеал, независимо от его «содержания», не может быть осуществлен в реальности. Общественный идеал – это конструкт нашего разума, который имеет другие функции. Утопичен не сам идеал, а мыслимый нами способ его соотнесения с реальностью. Эта мысль хорошо иллюстрируется, например, позицией Д. Белла: «утопия является концепцией желаемого, к которому человек всегда стремится, но которое по самой природе вещей недостижимо» [8, с. 663].

Так постепенно сформировался второй способ соотнесения идеала и реальности, который мы будем условно называть антиутопией (антиутопизмом, антиутопическим сознанием). Он основан на убеждении, что общественный идеал как таковой не может быть воплощен в реальность и, следовательно, данная мыслительная конструкция имеет другие функции в процессе проектирования.

Утопия и утопическое сознание. Начнем с анализа понятий «утопия» и «утопическое сознание». Как уже говорилось, утопия в общем смысле основана на вере в то, что общественный идеал может быть воплощен в реальность, реализован. Утопический проект, следовательно, характеризуется тем, что общественный идеал прямо и непосредственно полагается как цель. Утопические воззрения можно разделить на виды по различным основаниям.

Во-первых, можно выделить утопизм безусловный и утопизм обусловленный. В первом случае считается, что для реализации общественного идеала вообще не требуется никаких объективных исторических условий и, следовательно, идеальное общественное состояние может быть осуществлено где угодно и когда угодно.

Одним из первых примеров подобного отношения к социальной реальности является знаменитое учение Платона об идеальном государстве. В интересующем нас аспекте наиболее примечательными представляются рассуждения К. Поппера, которые мы находим в его работе «Открытое общество и его враги» [9, с. 49–53 и след.].

Однако всплеск утопизма в указанном смысле слова приходится на эпоху Возрождения. Здесь следует особо выделить, конечно же, Томаса Мора, которому мы, собственно говоря, и обязаны первым употреблением этого термина, а также Т. Кампанеллу с его теократическо-коммунистическим идеалом общественного устройства. Иногда в ряду утопий эпохи Возрождения упоминаются также социально-философское учение Ф. Бэкона, изложенное им в «Новой Атлантиде», и даже философско-политические взгляды Н. Макиавелли.

Возрожденческий утопизм был основан на крайнем волюнтаризме. Предполагалось, что желаемая модель общества может быть реализована в любой момент времени на основе одной

лишь доброй воли людей. Этому факту легко найти объяснение, если вспомнить, что в указанный исторический период происходит постепенный отказ от христианской идеи божественного вмешательства в земную жизнь, а идея внутренней детерминации естественных процессов еще не утвердилась. На смену средневековому теизму приходят деизм и пантеизм, а в некоторых, правда редких, случаях и атеизм. Согласно деизму, бог является лишь творцом мира. Он установил в мире некие вечные законы, но в дальнейшем не вмешивается в земную жизнь. Пантеизм идет еще дальше – здесь отрицается даже факт творения мира богом. Бог растворен в природе и является всего лишь субстанциальной основой мира, придающей ему известную упорядоченность и законосообразность. Большое влияние на идейный климат эпохи оказало также появление гуманизма с его пафосом свободы человека. Гуманисты, как правило, не отвергая веру в бога, тем не менее утверждали, что человек является хозяином своей судьбы и, следовательно, все, что происходит с ним – и хорошее, и дурное – зависит от него самого. Бог лишь вкладывает в человека определенные задатки, а их реализация и развитие, считают гуманисты, дело самого человека. Именно эти изменения в сфере идей и создали условия для появления утопизма, противостоящего как классическому, так и современному историзму.

В противовес безусловному утопизму, утопизм обусловленный признает реализуемость общественного идеала лишь при определенных общественных условиях. Такой утопизм сопряжен с концепцией историзма, простейшим выражением которой является афоризм Д. Вико: «Не все возможно во все времена».

Обусловленный утопизм, в свою очередь, можно разделить на подвиды согласно темпоральному критерию, поскольку общественный идеал может быть помещен в одно из трех «измерений» исторического времени – прошлое, настоящее, будущее. В этом случае мы вправе говорить о таких формах утопизма, как соответственно архаизм, модернизм и футуризм.

Размышления об архаизме и футуризме мы находим, в частности, у английского мыслителя А. Тойнби. По его мнению, названные идейные направления возникают на этапе распада цивилизаций, когда наблюдается так называемый разрыв с настоящим и люди пытаются черпать вдохновение в образах прошлого или будущего: «Как в архаизме, так и в футуризме попытка жить в микрокосме вместо макрокосма отвергается в пользу Утопии... В Утопии воплощено то, что должен был сделать внутренний духовный космос, в виде как бы Другого мира; но Другой мир в бледной и неудовлетворенной форме есть отрицание макрокосма в текущем настоящем, макрокосма здесь и сейчас» [10, с. 372]. Английский исследователь не сомневается в утопическом характере данных воззрений. Не является для него секретом и то, что утопизм состоит в неверном отношении к идеалу, а именно в попытке его осуществления на земле: «В каждом случае конечная цель движения – умозрительное царство, представляющееся идеалом, – обнаруживается либо в настоящем, либо в прошлом, но в обоих случаях – на земле» [11, с. 374].

В истории мы достаточно часто встречаем **архаизм** как систему воззрений. Апелляция к прошлому – неотъемлемая черта традиционного сознания. Достаточно вспомнить знаменитую концепцию Золотого века, скажем, в изложении Гесиода, а также миф об Атлантиде, то ли услышанный, то ли придуманный Платоном. Архаизм восточных обществ вообще не нуждается в пояснениях. В западной культуре последних трехсот-четырёхсот лет архаизм является значительно более редким, но все же не исключительным явлением. В частности, протестантизм возник как попытка возродить истинное (т. е. раннее) христианство, а несколько раньше культура Ренессанса создавалась с субъективным убеждением гуманистов в том, что они воссоздают античную культуру. Самым ярким примером архаизма в западной философии является, по-видимому, учение «раннего» Ж.-Ж. Руссо с его критикой цивилизации и идеализацией «естественного состояния» общества.

Футуризм является системой взглядов относительно недавнего происхождения. Мы находим его в развернутой форме лишь в западной культуре последних столетий. Устремленность в будущее – это характерная черта прежде всего западных воззрений. Она ощущается уже в христианстве, однако там мы сталкиваемся со стремлением людей в поисках идеала, как бы сказал А. Тойнби, покинуть земной план бытия. Лишь секуляризация западной культуры открывает путь «земному» футуризму. Первой исторической формой этого учения является знаменитая просветительская теория прогресса, сформулированная главным образом в рамках философии Французского Просвещения.

К футуризму относятся также и две из трех наиболее влиятельных историософских концепций XIX в. – позитивистское видение истории и марксизм. Наконец, следует упомянуть и хорошо знакомый нам так называемый «утопический социализм XVIII–XIX вв.», который также связывает создание общества социальной справедливости именно с будущим.

В отличие от архаизма и футуризма, **модернизм** в западной философии истории встречается значительно реже, возможно, потому, что он связан с совершенно необузданным оптимизмом по поводу современного состояния общества. Суть этого воззрения состоит в заявлении, что идеальное общественное состояние в основном уже наступило и нам остается улучшить лишь отдельные, и при этом малосущественные, черты социальной реальности. И все же в рамках западной историософии мы находим, по меньшей мере, два ярких примера подобного отношения к настоящему.

К модернизму в указанном смысле слова принадлежит прежде всего историософская концепция Гегеля. Немецкий философ, как известно, полагал, что целью истории является совершенствующийся с необходимостью прогресс в осуществлении свободы. Причем подлинная свобода индивидов возникает и развивается только в рамках государства. Поэтому исторический прогресс фактически связан с эволюцией форм государства. Каждая последующая форма государства, по Гегелю, в большей степени, чем предыдущие, способствует осознанию свободы и создает более благоприятные условия для реализации ее в действительности. Но наилучшей, фактически идеальной, формой государства, способствующей предельно полной реализации свободы, Гегель объявляет современную ему прусскую буржуазную монархию (как тип), в которой будто бы гармонично сочетаются принцип индивидуальной свободы и принцип порядка, охраняемого государством. Из этого философ делает вывод, что история, по существу, завершена и названная форма государства является непреодолимой в своем совершенстве. В дальнейшем нас ждет только улучшение отдельных второстепенных сторон общественной жизни и распространение этой самой прогрессивной формы государства по всему миру.

С похожими взглядами мы сталкиваемся в конце XX в. в работах Ф. Фукуямы «Конец истории?» (1989) и «Конец истории и последний человек» (1992). Американский философ не скрывает своей идейной близости к Гегелю, однако утверждает, что действительный конец истории наступил не в первой половине XIX в., как думал Гегель, а только сейчас – в 80–90 гг. XX столетия. Лишь в наше время, после падения тоталитарных режимов, либеральная демократия стала единственно возможной моделью общественной жизни, и ее «победа» над «конкурентами» уже фактически предрешена. И хотя еще могут быть локальные неудачи и отклонения от этой магистральной линии исторического развития, но они имеют временный характер и не меняют сути происходящего: «Хотя какие-то современные страны могут потерпеть неудачу в попытке достичь стабильной либеральной демократии, а другие могут вернуться к иным, более примитивным формам правления, вроде теократии и военной диктатуры, но *идеал* либеральной демократии улучшить нельзя» [12, с. 7–8]. Либеральная демократия, по мнению Фукуямы, лишена фундаментальных противоречий, которые были характерны для более ранних политических режимов, и потому ее можно лишь несколько улучшить, но никак не превзойти посредством какой-либо новой модели общественного устройства. Особо американский исследователь останавливается на понятии конца истории: «То, что, по моему мнению, подошло к концу, это не последовательность событий, даже событий серьезных и великих, а История с большой буквы – то есть история, понимаемая как единый, логически последовательный эволюционный процесс, рассматриваемый с учетом опыта всех времен и народов» [13, с. 8]. И далее он поясняет: «Это не означает, что остановится естественный цикл рождения, жизни и смерти, что больше не будут происходить важные события или что не будут выходить сообщения о них в газетах. Это означает, что более не будет прогресса в развитии принципов и институтов общественного устройства, поскольку все главные вопросы уже решены» [14, с. 9].

Антиутопия и антиутопическое сознание. Обратимся к анализу термина «антиутопия» и производных от него. Сразу же отметим, что термин антиутопия используют в двух смыслах. В первом случае антиутопия рассматривается как синоним термина «дистопия», под которым понимается изображение общественного антиидеала, нежелательного общественного состояния. Во втором случае антиутопия не отождествляется с дистопией. Тогда под этим понимают учение, утверждающее *невозможность* осуществления идеального общественного состояния в принципе. Здесь мы говорим об антиутопии и антиутопизме во втором смысле.

Эта позиция распространена в современной философии истории. Согласно современным представлениям, не может быть достигнуто такого состояния общества, которое нельзя было бы улучшить и преодолеть. Достаточно вспомнить знаменитое высказывание К. Ясперса: «Незавершенность человека и его историчность – одно и то же. Границы человеческой природы исключают ряд возможностей. На Земле не может быть идеального состояния. Не существует правильного мирового устройства. Нет совершенного человека. ...Из-за того, что в истории действует незавершенность, все должно непрерывно меняться. История сама по себе не может быть завершена. Она может кончиться лишь в результате внутренней несостоятельности или космической катастрофы» [15, с. 242–243].

Но это не значит, что всякий, кто формулирует общественный идеал, является утопистом. Напротив, идеал является необходимым и неотъемлемым элементом нашего сознания, наших исторических представлений и проектов социального будущего. Идеал придает целостность нашему взгляду на историю и задает шкалу оценки отдельных исторических явлений. Осознание принципиальной неосуществимости идеала позволяет нам использовать эту ментальную конструкцию по ее прямому назначению – для оценки реальности и придания нашей деятельности определенной (по нашему мнению, желательной) направленности.

Когнитивный механизм формирования антиутопического проекта отличается от аналогичной процедуры при формировании проекта утопического. Как уже говорилось, при формировании утопического проекта общественный идеал полагается как цель. В отличие от этого, при антиутопическом проекте между общественным идеалом и целью располагается одна или несколько опосредующих когнитивных конструкций.

Антиутопическое сознание, осознавая неосуществимость идеального общественного состояния, часто формирует явно или неявно, с большей или меньшей степенью отчетливости образ **приемлемого общества**. Этот концепт призван нарисовать образ общества не идеального, не лишенного недостатков, но тем не менее приемлемого для человека и в этом смысле *осуществимого в реальности хотя бы в принципе*. Поэтому при формировании данного концепта прежде всего отбрасываются те черты социального идеала, которые считаются заведомо нереализуемыми. В этом нам помогает корпус наличных знаний о мире, прежде всего теоретическое знание, научные законы. По известному выражению К. Поппера, научные законы говорят не столько о том, что будет, сколько о том, чего не может быть. Они как бы проводят границу между возможным и невозможным.

В настоящее время концепт приемлемого общества обсуждается как на Западе, так и в России, причем не только в сфере повседневности, но и в специализированных областях деятельности и познания. В зарубежной науке этот концепт, как правило, обсуждается под рубрикой «Good Society». В нашей стране, пожалуй, наиболее известным опытом такого рода является книга В.Г. Федотовой с характерным названием «Хорошее общество» [16].

Однако и образ приемлемого общества, как правило, не становится целью. Цель – это отдельный аспект данного концепта. Это желаемое положение дел в будущем, которое, по мысли действующего субъекта, приблизит нас к приемлемому общественному состоянию, будет способствовать его воплощению в жизнь.

Ссылки и примечания:

1. Работа написана при финансовой поддержке программы стратегического развития Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова.
2. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
3. Сёрль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Там же.
4. Сёрль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Там же.
5. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Там же.
6. Ивин А.А. Основы теории аргументации : учебник. М., 1997.
7. Шюц А. Избранное: Мир, сияющий смыслом. М., 2004.
8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.
9. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992.
10. Тойнби А.Дж. Постигание истории : сборник. М., 2004.
11. Там же.
12. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.
13. Там же.
14. Там же.
15. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.
16. Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005.

References and notes:

1. The article is performed with financial support of the program of strategic development of the Ulyanovsk State Pedagogical University.
2. Austin, JL 1986, 'Word as an action', *New in foreign linguistics*, issue XVII, Moscow.
3. Searle, JR 1986, 'What is a speech act?', *New in foreign linguistics*, issue XVII, Moscow.
4. Searle, JR 1986, 'Classification of illocutionary acts', *New in foreign linguistics*, issue XVII, Moscow.
5. Strawson, PF 1986, 'Intention and convention in speech acts', *New in foreign linguistics*, issue XVII, Moscow.
6. Ivin, AA 1997, *Fundamentals of the theory of argumentation: the textbook*, Moscow.
7. Schutz, A 2004, *Favorites: World shining meaning*, Moscow.
8. Bell, D 1999, *The coming post-industrial society. Experience in social forecasting*, Moscow.
9. Popper, KR 1992, *The Open Society and Its Enemies*, vol. 1, Moscow.
10. Toynbee, AJ 2004, *Study of History: a collection*, Moscow.
11. Toynbee, AJ 2004, *Study of History: a collection*, Moscow.
12. Fukuyama, F 2004, *The End of History and the Last Man*, Moscow.
13. Fukuyama, F 2004, *The End of History and the Last Man*, Moscow.
14. Fukuyama, F 2004, *The End of History and the Last Man*, Moscow.
15. Jaspers, K 1994, *Sense and Goal of History*, Moscow.
16. Fedotova, VG 2005, *Good Society*, Moscow.